

Конкурс фантастики
КВАЗАР

ИЗБРАННЫЕ

Космохоррор

лучшие рассказы конкурса
«Чужой космос»

Конкурс Квazar

Алексей Жарков

Избранные. Космохоррор

«Издательские решения»

Жарков А.

Избранные. Космохоррор / А. Жарков — «Издательские решения», — (Конкурс Квазар)

ISBN 978-5-44-854415-6

В этой книге вас ждут страшные рассказы о космосе: призрак, преследующий попавшего в беду космонавта; пришелец, управляющий погибшим членом экипажа; ужасы черных дыр; жуть, произошедшая на добывающей станции на Церере; неведомое чувство поглощающее экипаж межпланетного космического корабля, смертельно заботливый космический монстр, и много другое. Космос — невероятно опасное место, наполненное болью и страхом, борьбой за жизнь, за собственный разум, и за то, чтобы остаться человеком.

ISBN 978-5-44-854415-6

© Жарков А.
© Издательские решения

Содержание

Что такое космохоррор?	6
Фантом	7
Вирус	18
Ость	28
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Избранные Космохоррор

Составитель Алексей Жарков

Дизайнер обложки Алексей Жарков

Иллюстратор Александр Павлов

Иллюстратор Юлия Романова

Иллюстратор Илья Обьедков

© Алексей Жарков, дизайн обложки, 2017

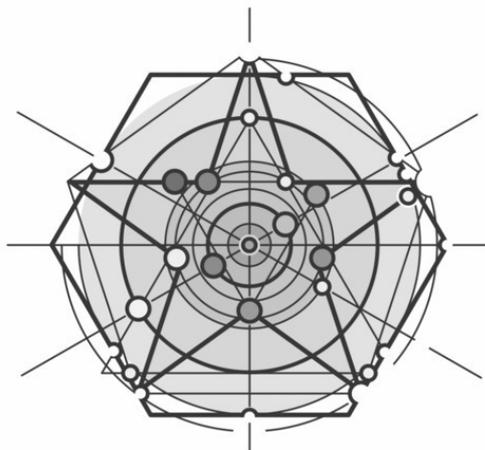
© Александр Павлов, иллюстрации, 2017

© Юлия Романова, иллюстрации, 2017

© Илья Обьедков, иллюстрации, 2017

ISBN 978-5-4485-4415-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

КВАЗАР
конкурс фантастики

Что такое космохоррор?

Что пугает нас во мраке разлившейся вокруг ночи? Это не бесконечное небо, не далёкие звёзды, не мчащиеся сквозь горизонт событий кометы и даже не опасность поломки космического корабля на полпути к Ориону.

Отнюдь...

Страшит неизвестность. Всё, что не познал человеческий разум, не обмерил и не превратил в формулу – говоря иначе, не понял и не положил на полку, где пылятся наши жалкие научные открытия, которыми мы столь безосновательно кичимся, в безумной гордыне забывая о том, сколь велик мир и как ничтожны мы и наши представления о нём – словом, всё неизвестное и неведомое вызывает в человеке чувство тревоги, страха и вселенского ужаса. В зависимости от обстоятельств и личной храбрости, конечно.

Мы боимся океанских глубин, о которых знаем ничтожно мало, боимся темноты, потому что не видим, что скрывается в ней, страшимся подземных недр.

Однако ничто не содержит такого потенциала неведомого, как пространство, в котором едва различимой песчинкой совершает свой путь Земля. Здесь, в космосе, возможно всё! Ужас, который человек даже не мог вообразить на своей родной планете.

Ужас космических глубин!

Именно ему посвящён очередной сборник конкурса «Квазар: Чужой космос», проведённого при информационной поддержке единственного в России печатного альманаха «Redrum».

«Квазар. Избранные» представляет финалистов конкурса – двенадцать в высшей степени достойных рассказов, прошедших первый тур голосования и набравших наибольшее число баллов. Битва была напряжённой, комментирование – яростным, ожидание – томительным. И вот, наконец, из пятидесяти присланных на конкурс рассказов показались финалисты. Совершенно разные тексты, авторы которых делали ставку на разные же аспекты пугающего.

Затем наступил решающий день: стал известен финалист. Евгений Шиков с рассказом «Фантом» совершенно заслуженно занял первое место. Его произведение вошло в сборник «Квазар. Лучшее», а имя – в зал славы «Квазара»!

Остальным, впрочем, тоже достались различные призы.

По итогам конкурса редакцией альманаха «Redrum» были отобраны несколько текстов для публикации в первом номере 2017 года, который практически целиком посвящён космохоррору (что, кстати, делает его уникальным, так как предыдущие номера содержали рассказы на различные темы). Таким образом журнал решил отметить начало нового творческого года, ну, а читатели получили возможность отправиться в космическое путешествие, наполненное подлинным вселенским ужасом.

Сборник «Квазар. Избранные» предоставляет не менее увлекательную перспективу: неведомые твари, геномутанты, говорящие трупы, смертоносные вирусы, искажение времени и пространства, одиночество во мраке, голоса чуждых созданий и компания, которой любой здравомыслящий человек предпочёл бы избежать – всё это ждёт вас на страницах сборника!

Что ж...

Как говорится, «Поехали!»

И да поможет вам Бог!

Виктор Глебов

Фантом Евгений Шиков

1

Остановиться удалось быстро – Теста сделал это практически самостоятельно, предложив Корпусу не рыпаться и выбрать направление оси взгляда. Корпус помнил, что необходимо было выбирать перпендикулярно эпицентру взрыва, но, без колебаний, выбрал острый угол. Если остались выжившие, он должен был им помочь.

Теста выводил на экран одно предупреждение за другим и всё требовала и требовала подтвердить таймкод. Корпус смахнул окна вбок, затем приблизил к лицу всё, что осталось от станции.

– Давай, Кан... – он запустил частотный поиск, отправил сигнал SOS. – Ты же ближе к шлюзу был...

Обломки станции были похожи на разорванную паутину, длинные кабели конвульсивно бились вокруг разорванных металлических платформ. Большая часть летела вверх от оси Корпуса, но хватало и крупняка, который ещё мог его догнать.

Теста сообщил, что нечего не обнаружил. Потом добавил, что и обнаруживать-то нечего.

Корпус включил запись, вздохнул.

Эх, Кан...

– Кан, если ты меня слышишь – я удаляюсь вверх-влево по базовой оси станции. Координаты притречены к сообщению, если твой Теста работает, то подхватывай и направляйся за мной. Если нет...

Если нет, то и Кана больше нет...

Корпус отбросил мысли о смерти друга.

– ... если вдруг Теста поврежден, и координаты не считаются, то я двигаюсь в сторону «Рапиды». Карта не обновляется, но на прошлой неделе там было около двадцати сигналов, так что, как только подхватю какой-нибудь – сразу сообщу им, что случилось, и тебе помогут. Ждать придётся... не меньше месяца

– ... несколько дней, так что поставь эконом-расход на Тесте... который не работает

– ... и просто жди, окей? Если работает тяга – отправляйся туда же. Если нет...

Корпус замолчал. Что посоветовать человеку со сломанным скафандром без тяги в открытом корпусе среди сотен разлетающихся острых металлических обломков?

– ... постарайся не умереть, хорошо? – Корпус отдалил изображение – всё равно разобрать что-то уже было невозможно. – Я надеюсь, что ты меня слышишь. Тебе не впервой в одиночестве, я знаю – ты продержишься. Кан, я скоро!

Корпус перевернул ось взгляда, и его ноги взметнулись вверх, будто он решил встать на голову. Впереди теперь мерцали только звёзды.

Корпус включил тягу, скорректировал курс, вывел перед собой изображение станции за спиной и, будто шагнув в прорубь, вернул на экран все отложенные предупреждения от Тесты.

– Твою ммать, – выругался он, щурясь от красного цвета.

2

Заряд Тесты был почти максимальным – что было хорошо. С кислородом было всё хуже, но не настолько плохо, чтобы уходить в «консерву» ещё неделю-другую. Системы наблюдения были не повреждены, системы связи – в порядке. А вот начинка Тесты серьёзно пострадала. Механических повреждений было всего ничего – несколько прорывов, да обгоревшие ноги, но радиация сделала своё дело. Приборы лайф-контроля сбесились, показания пульса перед глазами Корпуса прыгали от трёх до 7247 в минуту, а когда он попросил в реальном времени отображать расход кислорода, Теста жизнерадостно заявил, что кислорода хватит на ближайшие 400 лет. Затем сделал небольшую поправку и понизил время жизненной активности до 8 секунд, а затем ожидаемо врубил панику и начал процесс консервации. Корпус отменил консервацию и вернул обезличенные настройки. Теста сказал, что, если уж относится к телу в скафандре как к куску мяса, пару недель оно может и подышать. А вот кормиться придётся только через вену, потому что без личных данных он ничего не может пустить в питательную трубку, опасаясь отторжения и аллергической реакции.

Корпус посмотрел, что у него такого, что Теста не собирается кормить этим никого постороннего, и выругался. Индийское рагу, кисель из фейхоа с красным перцем и терамису из топинамбура с мёдом.

Корпус, несмотря на сложившуюся ситуацию, рассмеялся.

Кан, косоглазый ты сукин сын. То-то так хитро улыбался всю неделю.

– Тридцать пять – сорок один, – засранец, – Корпус перестал улыбаться, и перевёл взгляд на ставшую далёкой станцию позади. – Видимо, это наш финальный счёт, Кан. Разрыв шесть очков, победа за корейским игроком. Мои поздравления.

Консервирование было невозможно. Корпус понял это сразу, но теперь убедился в этом на сто процентов. Теста не сможет поддерживать в нём жизнь, если даже пульс посчитать не получается. В лучшем случае, он просто не проснётся. В худшем – перед смертью будет несколько десятков раз введён в искусственную кому, а затем реанимирован, что превратит его последние дни перед смертью в непрекращающийся кошмар. И, скорее всего, насильно накормлен ужасным десертом, рецепт которого, скорее всего, был скачан нелегально с какого-нибудь пиратского спутника.

Корпус прибавил тяги, отключил гибкость, вынул руки из рукавов и, сложив их на груди, постарался поспать. Если ему предстоит лететь несколько недель, то лучше спать дольше и чаще. Последние несколько часов он провёл на нервах, так что понимал, что заснуть вряд ли получится, но всё же это было лучше, чем пялиться в далёкие звезды и искать на горизонте разноцветные огоньки станций или громады «добывалок».

«Всё равно ведь не засну, – подумал Корпус, и мгновенно заснул».

3

– Я выиграл, – сказал Кан.

– Я знаю, – Корпус взял со стола упаковку еды и потряс ею. – Опережение на шесть очков, так?

– Нет, не на шесть, – Кан смеялся. – Посчитай заново!

Корпус попытался посчитать, но ничего не получилось.

– Может, поможешь? – попросил он.

С радостью, – Кан приблизил своё лицо к нему. – Пи-и-ип!

– Раз.

– Пи-и-и-п!

– Два.

– Пи-и-и-ип! – Кан затряс руками стол. – Пи-и-и-п! Пи-и-и-ип! Пи-и-и-ип!

ПИ-И-И-ИП!

Корпус открыл глаза, пытаясь понять, где он и что происходит. Воспоминания нахлынули разом.

Взрыв. Аномалия. Кан. Обломки-паутинки, терамису из топинамбура...

ПИ-И-И-ИП!

Корпус сфокусировал взгляд на экране и удивлённо выдохнул.

Получено сообщение.

И чуть ниже – обнаружен сигнал.

Позади.

– Увеличить изображение! – закричал Корпус.

– Для голосового управления необходимо авторизоваться одним из...

– Корпус Вивем, 1—4—2—8!

– Личность подтверждена, – добродушно ответил Теста и включил сирену. – Начинаю процесс консервации.

– С-сука! – Корпус забыл про то, что жить ему осталось восемь секунд. – Выход из личного управления!

– Выход подтверждён.

Корпус сфокусировался на изображении, движениями глаз растянул и приблизил маленькую фигурку позади себя.

Маленький, белый скафандр, летящий прямо за ним.

– Кан! – рассмеялся Корпус. – Сукин сын, ты жив! Я знал! Включить канал «домик на дереве»!

– Для голосового управления...

– Да ты бесишь! – Корпус сам включил связь. – Кан! Ты меня слышишь! Живой, чёрт бы тебя побрал! Как ты там, засранец?

Тишина. Корпус разглядывал изображение, и улыбка пропадала с его лица. «Человек» не шевелился.

– Кан! Ты в порядке? Ответь!

Тишина.

Сообщение! У него же есть сообщение! Корпус притянул к себе окошко, раскрыл его и нажал воспроизведение.

– Говорит станция «Просвет». Это сообщение отправлено автоматически, в ответ на сигнал SOS, отправленный по координатам...

– Чёрт, это станция... – сказал Корпус, а затем рассмеялся. – Чёрт, да это же станция! Нас нашли! Кан! – он включил связь. – Кан, нас засекли, всё нормально! Жить будем, слышишь?

Кан не отвечал. Корпус дослушал сообщение – с ним обещали связаться, а затем развернул Тесту лицом назад по оси. Вывел на экран символьный код.

– Ну, Кан, если это такой прикол, чтобы заставить меня изобразить танцующую, я тебя сам убью, честное слово! – он врал, и сам это знал. Если у Кана повреждён Теста, то для связи оставались только «танцующая». А если даже это прикол – он бы всё равно ему простил.

Корпус развёл руки в стороны, затем – треугольником над головой, после чего поместил обе ладони на грудь, и вновь развёл руки в стороны.

Привет. Я живой. Я в порядке.

Рука в его сторону, другая над головой. Ладони на плечи. Руки в стороны, руки над головой.

Ты в порядке? Помощь. Вопросительная интонация.

Фигурка не шевелилась.

Корпус повторил «танцующую» ещё трижды, затем выругался.

Кан не отвечал. Возможно, без сознания, возможно – уже мёртв, а его Теста направила его к ближайшему сигналу... Хотя оставался ещё один вариант – консервация и одновременно повреждение начинки Тесты. Тогда Кан ещё жив, но ответить не может.

– Кан, давай, шевелись уже, – Корпус ещё раз повторил сигналы. Никакой реакции. Корпус включил форму ответа на сообщение и, не отрывая взгляда от Кана, начал говорить.

– Это Корпус Вивем, я отправлял сигнал SOS, полученный вами в... – он взглянул на время, – 16:42 по солнечному. На станции «Трихаус» произошла утечка радиоактивного материала, в связи с аномалией... Скорее всего, это был выброс от одной из «добывающих»... то есть, от одного из грузовых или добывающих кораблей, возможно с повреждёнными двигателями. Станция «Трихаус» полностью уничтожена, часть материала, возможно, направляется в сторону Путей. Выжившие: Корпус Вивем, старший научный сотрудник... Это я. Теста повреждён, консервация невозможна. Могу находиться в активном состоянии несколько недель, точнее сказать не могу... Старший научный сотрудник Кан Сачиков... – он помялся. – Не отвечает на визуальные сигналы. Возможно, Теста провела консервацию. Двигается за мной. Конец сообщения.

Корпус отправил голосовое письмо и посмотрел на список сигналов. Если SOS получен так быстро, значит где-то рядом цепочка из спутников, но радар тоже спятил – сигналы двигались по нему с огромной скоростью, налезали один на другой.

Хотелось есть. Корпус подумал, что индийская кухня не так уж и плоха, но вспомнил, что придётся авторизоваться, и Теста превратит его в «консерву». Чёртов Кан. Всё время на шаг впереди. У Корпуса тоже несколько раз получалось подколоть его особенно изощрённо, но...

Корпус вздрогнул, а затем уставился на изображение человека, летящего за ним.

Четыре месяца назад Корпус использовал два маркера и целый отбой, чтобы перекрасить Тесту Кана в ярко-розовый цвет. Кан потом утверждал, что это цвет самураев и сакуры, и носил его с показной гордостью, хотя сам был наполовину корейцем, наполовину бурятом. Это слегка обламывало радость от шутки, но всё равно было забавно.

Перед аномалией и взрывом он вышел именно в своём, розовом скафандре.

Этот скафандр был абсолютно белым. Стандартная модель, как и у самого Корпуса.

Корпус сжал зубы.

Это был не Кан. Это был один из запасных скафандров, выброшенный взрывом, и включившийся из-за аномалии, автоматически увязавшийся за Корпусом. Пустая оболочка, летящая на его сигнал, словно мотылёк на свет. Внутри него не было ничего.

И когда Корпус, наконец, понял, что Кан не выжил – что он и не мог выжить, два чуда подряд произойти не могло, когда он потянулся взглядом, чтобы развернуть Тесту вперёд по оси – тогда фигура зашевелилась.

Руки в стороны. Треугольник над головой. Обе ладони на грудь. Руки в стороны.

Привет. Я живой. Я в порядке.

– Что за... – Корпус попытался ещё приблизить изображение, но не получилось.

Рука в его сторону, другая над головой. Ладони на плечи. Руки в стороны, руки над головой.

Ты в порядке? Помощь. Вопросительная интонация.

Корпус молча смотрел, как танцует пустой костюм.

Руки в стороны. Треугольник над головой. Обе ладони на грудь. Руки в стороны.

– Если ты не Кан... то кто ты такой? – спросил Корпус, и услышал в своём голосе страх.

Скафандр «танцевал» несколько часов, повторяя то же самое. Он даже держал паузы между сообщениями такие же, как и Корпус, когда пытался с ним связаться.

Корпус тем временем пытался найти объяснение.

Вариант с тем, что это какой-то другой человек, выброшенный в открытый космос, отметался сразу. Вблизи станции не было ни одного Пути – проект считался засекреченным, связь осуществлялась по закрытому каналу, на картах их даже не было – что сыграло с ними злую шутку, как сейчас понимал Корпус. Кто-то хотел скрыть свой прыжок от властей, и пустил выброс не в разрешённом направлении, а в пустой космос. Шанс, что этот выброс ударит по «Домику на дереве» стремился к нулю, но судьба иногда выкидывает странные кульбиты. Выброс попал прямо в них, обжёг скафандры, порвал станцию – а дальше уже заработала вся та хрень, что была у них в баках. Значит, это был костюм. Он включился от выброса, а после взрыва автоматически направился за Корпусом, чудом избежав обломков. Затем, из-за взбесившейся начинки, он стал повторять его сигналы... Возможно, они попали из автоматической обработки в память, а затем зациклились, и подключилась мотика... Бред конечно, но второй вариант был ещё хуже.

Второй вариант заключался в том, что станцию разрушил не выброс какого-нибудь жуликоватого барыги, а направленный удар. В этом случае, удар мог содержать в себе ещё и вирус, поражающий всю начинку, и сейчас Теста была одержима какой-нибудь программой, написанной толстым уродом, сидящим в тепле на какой-нибудь из обитаемых. И самое дерьмовое – что вирус в этом случае мог быть и в его, Корпуса, скафандре.

Но был ещё и третий вариант. О котором и думать не хотелось.

«Дальний Прыжок». Земная станция, уничтоженная и скомканная неведомой силой. То тут, то там встречались люди, утверждавшие, что слышали разорванные сообщения на разных частотах, от людей, умоляющих их спасти. Там тоже во всём обвинили незарегистрированный выброс, но, как рассказывали знающие люди, то был не выброс, а что-то живое. Что-то живое, но нематериальное, нашедшее станцию в необъятной пустоте космоса, разорвавшее её на куски – и заставившее живущих на ней людей до сих пор просить помощи на забытых и заброшенных каналах. Людей, которых так и не обнаружили на месте крушения.

На экране появилось сообщение, заставив Корпуса вздрогнуть. Он раскрыл его, и уставился на набор цифр.

Частота. Ему скинули частоту – причём, частоту цепочки, если судить по длине.

Корпус подключился к ней, и через несколько минут окошко стало зелёным.

Связь. У него есть связь.

– Это Корпус Вивем со станции «Трихаус». Вы слышите меня?

Корпус замер, переводя взгляд с окошка канала на изображение «танцующего» скафандра и обратно. Прошло с полчаса. Окошко засветилось зелёным.

– Корпус, это Наташа Добрышевская, младший сотрудник станции «Просвет-8». Скорректируйте курс по высланным координатам. Уточните информацию по второму выжившему – вы можете взять его на управление? Также сообщите эвер-код станции «Трихаус» для отслеживания угрозы обломков. Пока что мы не можем её найти. Конец Сообщения.

Корпус включил запись.

– Наташа, станция «Трихаус» является засекреченным объектом и, к сожалению, не имеет эвер-кода. Могу сказать только, что мы находились между восьмым, вторым и одиннадцатым путями, на удалении в восемь и три четвертых земных от солнца. По второму выжившему – информация оказалась ошибочной. Это просто скафандр типа «Теста». Возможно, с повреждённой начинкой. Он следует за мной и копирует мои сигналы. Высылаю изображение, – Корпус подхватил стоп-кадр и закинул его в окошко. – Прошу сообщить о моём положении в «Стил-Корп». Конец Сообщения.

Взгляд Корпуса зацепился за статистику полёта в углу экрана. Он несколько раз моргнул, затем вновь включил запись.

– Это снова Корпус. Теста сообщает мне, что повреждённый скафандр приближается ко мне, так что речь идёт не о полном копировании. Возможно, он самостоятельно принял решение о том, чтобы прицепиться ко мне на хвост, или... – Корпус подумал, что может быть «или», – или это что-то другое. – закончил он. – Конец второго сообщения.

Несколько минут в тишине Корпус разглядывал скафандр. На глаз, никакого приближения не было. Наверное, очередной глюк Тесты. Волноваться не о чем. Это просто скафандр.

Корпус закрыл глаза и ещё несколько минут летел в тишине, думая, что беспокоиться не о чем. Затем открыл глаза, зашёл в настройки тяги и увеличил скорость на восемь процентов.

Просто на всякий случай.

5

Следующего сообщения пришлось ждать дольше – несколько часов. Когда на экране появилось зелёное окошко, Корпус так резко уставился на него, что Теста свернул остальные окна и включил ускоренное лавирование, боясь, что человек заметил приближающийся обломок, пропущенный датчиками наблюдения.

– Корпус, мы не смогли получить никаких данных по станции «Трихаус» от «Стил-корп». Они заявили, что такой станции среди действующих у них нет, и обещали отослать запрос выше... Но и мы не знаем о вашей станции, а ведь мы находились совсем близко. Мы здесь все на ушах стоим, под боком взорвалась станция, а мы ничего о ней не знаем. К тому же, выброс в эту сторону невозможен – помимо нас, тут ещё четыре станции, на большем удалении, мы в красной зоне. Выбросы обычно идут ближе к звезде, там никого. Так что, боюсь, но вас уничтожили целенаправленно. Так что, речь может идти о корпоративной войне, и мы с вами – её жертвы. Наверное, если бы вы не выжили, мы бы ничего не узнали, пока до нас не долетел какой-нибудь обломок, а может, и тогда бы не поняли. Так или иначе, беспокоиться вам не надо. Где-то через сутки или двое вы должны добраться до нас, и мы примем вас на борт. Держитесь подальше от второго скафандра, он может быть заражён вирусом. Но, в крайнем случае, можете подпустить его поближе и вручную отсоединить от него кислородные капсулы или тяги. Вам несказанно повезло, что взрывом отшвырнуло запасной комплект для выживания в ту же сторону, что и вас! Мы собираемся круглосуточно дежурить на канале по очереди. Ждём связи. Конец сообщения.

Корпус хмыкнул и включил запись.

– Нас не в одну сторону запустило, он позже появился, видать, поймал сигнал и... – Корпус замолчал. Затем посмотрел на окошко с изображением «танцующего» скафандра. – Он не мог меня догнать, – Корпус облизал внезапно пересохшие губы. – Если его не швырнуло вместе со мной, наши скорости были слишком... он бы и не смог разогнаться самостоятельно до моей скорости, если бы сменял ось. Чёрт. Я на шестнадцать процентов быстрее того, чего он мог бы достичь без посторонней помощи, а я ИЗНАЧАЛЬНО летел в этом направлении. Он... он сам набрал такую скорость. Наташа, я... я не знаю, что это, но это не просто скафандр. Я, может быть, параноик, но...

Корпус посмотрел вниз экрана.

– Теста сообщает, что расстояние между нами сократилось. Он приближается, и теперь я это вижу. Он касается шлемом угла окошка, а раньше... Он... оно приближается ко мне. Я повышаю скорость. Жду связи. Конец сообщения.

Корпус увеличил скорость до максимума, посмотрел на расход тяги. Поморщился. Ничего страшного, ему надо продержаться только сутки.

Взглянув на экран, Корпус перестал дышать.

Преследующий его скафандр теперь летел спиной к нему, абсолютно неподвижно.

Вот только кольцевые тяги были всё ещё на его спине, глядели прямо на Корпуса. Это было абсолютно невозможно, даже если бы они работали – но они не работали.

И даже не светились.

Тяги были полностью остывшими.

Они никогда не работали.

Но скафандр всё равно летел.

6

Через несколько часов Наташа попросила прислать изображение скафандра и вновь пропала. Затем попросила выслать показатели Тесты.

Корпус послал и то, и другое. Попил воды. Пустил по вене немного калорий. Затем, устав ждать, провалился в беспокойный сон. Во сне он спорил с Каном о том, какой у них счёт, а тот всё улыбался и говорил, что счёт больше. Корпус пытался считать вслух, но Кан смеялся, сверкая зубами, и всё повторял, что он больше, он больше, он больше...

– Что у тебя за спиной? – спросил он в конце.

– Оно больше, чем кажется, – пробормотал Корпус, открывая глаза. Несколько раз моргнув, он сразу же перевёл взгляд вниз, на окошко с летящим скафандром. Тот был значительно больше, не помещаясь уже в него полностью. Корпус отдалил изображение и несколько секунд рассматривал его.

А что, если это просто глюк? Оптический эффект. Мираж, фантом, вызванный аномалией? Просто-напросто какое-нибудь переломление, зеркало, копирующее его движения с временной задержкой? Если этот фантом повторяет все его движения, и...

Скафандр на изображении сложился пополам, ударившись шлемом о свои пятки, уставившись на него зеркальным шлемом, вытянув вперёд обе руки. Корпус смотрел на это, не в силах поверить.

Он бы никогда так не мог сделать. И дело не в том, что на спине фантома находились неработающие тяги, и даже не в том, что у Корпуса был позвоночник. Скафандры так просто не сгибались. Жёсткий корпус защищал спину и позволял сгибаться только вперёд – лишь поджимать колени к груди, а это значит, что скафандр был сломан пополам, или даже...

Или даже он всего лишь ВЫГЛЯДИТ как скафандр, – понял внезапно Корпус. – Просто потому, что это не вызывает подозрения у других скафандров.

Фантом вытянул руки по направлению к Корпусу, будто стараясь его ухватить, а затем вновь разогнулся и повернулся к нему лицом. Теперь он стал похож на призрака, такого, какими их рисовали в древности – летящего над полом замка, с подогнутыми ногами и вытянутыми вперёд руками.

Корпус только сейчас заметил мигающий огонёк сообщения, и открыл его. Тишина.

– Что за ччёрт? – Корпус попытался промотать сообщение вперёд, но не нашёл никакого «бегунка». – Куда делся...

– Корпус? Вы меня слышите?

– Что? – Корпус, наконец, понял, почему нет бегунка. – Вы что... мы что, на прямой связи?

– Нам удалось настроить канал. Не спрашивайте, как. Могу сказать только, что это сделано с помощью «Стил-Корп». Как вы себя чувствуете?

– Я-то нормально, а вот фантом...

– Фантом?

– Ну, этот, скафандр... Он тут пополам сложился, и сейчас летит за мной с вытянутыми руками, будто... – Корпус взглянул на изображение. – Чёрт, он опять приблизился!

– Вы можете прислать нам видеозапись?

– На кой чёрт? По этому каналу я буду грузить вам видео несколько часов.

– Нам бы хотелось...

– Вот долечу до вас – сами посмотрите, хорошо? Подключитесь к моему Тесте – и глянете, что он вытворял.

Наташа помолчала.

– Боюсь, это невозможно, Корпус, – сказала она дрожащим голосом.

Его спина покрылась мурашками.

– Что? В каком это смысле?

– Простите, но вы не сможете попасть на станцию... мне очень жаль...

В каком это смысле – жаль? Вы... – Корпус осёкся. – Это из-за аномалии, правильно? Это был не выброс, так? Это как с «Дальним Прыжком»?

– Корпус...

– Они запретили вам меня пускать потому, что я могу быть заражён? – Корпус засмеялся. – И что это такое, а? Что они говорят? Это какая-то инопланетная дрянь? Вы им вообще сказали, что заражён не я, а эта дрянь позади меня?

– Пожалуйста, успокойтесь...

Корпус вновь взглянул на окошко и вскрикнул. Оно было серым. Развернувшись, он уставился на приближающегося фантома.

– Он услышал нас! Наташа, он услышал, что его не пустят, и летит нас сожрать!

– Мы не думаем, что он вас сожрёт...

– Да он как зомби на меня летит! Ты слышишь? Чёрт, у вас есть какой-нибудь лазер?

– Что?

– Вы сможете пальнуть по скафандру, когда мы будем рядом? Во второго! В первого не палите, это я!

– Мы не будем палить, Корпус. Пожалуйста, успокойтесь. Вам нечего бояться.

– Я далеко до вас? Сколько ещё... – Корпус задумался. – Сколько я...

Он замолчал.

– Корпус?

– Наташа... Я ведь не мог проспать целые сутки...

– Я не уверена, что...

– Эта прямая связь... Как такое вообще возможно? Это было бы реально, только если бы я летел вдоль цепочки, но это не так, да?

– Мне очень жаль...

Корпус смотрел на приближающегося Фантома.

– Наташа, как вы со мной связались?

– Мы... Мы просто включили ваш канал.

В его шлеме отражалась сияющая пустота.

– Наташа, – Корпус сглотнул. – Что вы хотите со мной сделать?

– Мы...

– И куда я тогда лечу? Куда... куда мы летим?

– Я не знаю, – Наташа почти плакала. – Я не эксперт в этом вопросе. Я не знаю, куда вы летите, я просто...

– Ты просто летишь за мной? Так?

– Что? – она, кажется, удивилась. – Да нет же! Это вы летите к нам!

– Наташа, пожалуйста...

Вы должны уже видеть нас... По крайней мере, то, чем мы... являемся для вас...

Внезапно экран загорелся зелёным. Корпус оторвал взгляд от приближающегося фантома и посмотрел на экран заднего вида.

– Станция, – сказал он. – Это же станция!

Он развернулся и посмотрел вперёд, на приближающиеся огоньки.

– Это... это вы? – спросил он.

– Я думаю, да... – Наташа вздохнула. – Вы нас видите?

– Да, но я... я не понимаю, как...

– Корпус, пожалуйста. У нас мало времени. Скоро всё закончится...

– Кто вы? Куда вы меня привели? Я... – он помотал головой. – Я ничего не понимаю...

– Корпус, пожалуйста, я не могу объяснить, но вам сейчас объяснят... Я просто не эксперт, но... Мне надо, чтобы вы сказали...

– Сказали что?

– Корпус, – произнесла Наташа отстранённым голосом. – Какой у нас счёт?

Корпус молчал.

– Корпус? – с участием спросила Наташа. – Вы в порядке? Не надо паниковать. Просто скажите, какой у нас счёт... То есть, у вас с доктором Каном.

– Что? В каком смысле?

– Вам надо сказать, только так сообщение расшифруется...

– Какое...

– Корпус, скажите счёт!

– Тридцать пять – сорок один, – произнёс Корпус.

Что-то щёлкнуло.

– Привет, Кив. – заговорил Кан. – Я знаю, ты не ожидал меня услышать. Я закодировал это послание, поэтому, если ты его слушаешь, значит, я прав. Никто другой включить эту запись не сможет. Поэтому – привет.

– Что за...

– Я знаю, что тебе страшно... С твоей стороны всё, наверное, очень странно выглядит, но пойми – это не конец. Не должно быть концом. Та аномалия – это был не выброс, как ты, наверное, мог подумать. Я боюсь, что сейчас не могу объяснить подробно – у тебя просто не хватит времени... Мне жаль, Кив, но это был не выброс. Это был ты. Помнишь, когда мы выбрались? Ты ещё шутил про розовое на чёрном? Хранилище было уже повреждено, материал тянулся за станцией многокилометровой ниткой. Выброс прошёл вдалеке от нас, но эта нитка... она послужила осью, а ты – ключом. Я путано объясняю, Кив, но у нас наконец-то получилось воссоздать прыжок без затраты энергии. Мы сложили время, и... мы сложили время тобой, Кив. То, где ты сейчас и то, где мы были – это твой Путь, твой прыжок. Ты разнёс всю станцию, разломал её в щепки... и, боюсь тебе об этом говорить, но ты и сам...

– Нет, – Корпус смотрел на приближающуюся станцию. – Нет, пожалуйста, нет.

– ты и сам умер, Кив. В тот самый момент, когда выброс от какого-то идиота достиг нитки сидрия за станцией. Сейчас мы называем это «бумажным порезом». А ты... ты в этой ситуации – капля крови. Ты умер, как только случился «порез», но пока что... пока что ты жив, внутри этого отрезка. С одной его стороны – наша станция цела, и всё хорошо, а с другой – ты уже давно, очень давно мёртв. Ты можешь быть живым только в промежутке, но он быстро схлопнется, и эти два конца сойдутся в одной точке.

– Нет, – Корпус смотрел на Фантома, запонившего окошко полностью. – Нет, это не могу быть я...

– Я не знаю, что произойдёт, когда ты встретишься в этой точке, встретишься сам с собой мёртвым, и не знаю, как это будет выглядеть, Кив, но ты будешь не один. Второй конец должен, обязан быть прикреплён к чему-то, и ты сможешь... сможешь выйти на связь,

сможешь услышать меня. И я знаю, что прошу о многом, но... Ты должен передать информацию о том, что с тобой случилось. Всё, что было с...

– Заткнись! – закричал Корпус! – Заткнись! Это бред! Ты всё это выдумал, ты сейчас сидишь и на ходу придумываешь, ты мёртв!

– ... поможет избежать в будущем. Порез затягивается, он будет затягиваться всё быстрее, и ты... боюсь, ты останешься в нём. Как запёкшаяся кровь защищает рану, так и ты... должен будешь остаться поверх этого пореза, выступая немного в наш мир с обеих сторон... Я не успел с тобой попрощаться, Кив, поэтому делаю это сейчас. Счёт в твою пользу, дружище. С твоей стороны не число. С твоей стороны – бесконечность.

Запись закончилась.

Корпус беззвучно плакал.

– Мне очень, очень... – начала Наташа.

– Впустите меня! – закричал Корпус. – Я вас вижу! Откройте шлюзы, пустите меня!

– Прости, Корпус... Мне правда жаль...

Корпус обернулся. Фантом был близко, очень близко, тянул руки в его сторону.

– Что будет, когда он... когда он меня...

– Мы не знаем. Я не знаю. Я не эксперт. Но, наверное, это тоже вы, поэтому... поэтому, вы станете им, и возможно... не знаю, считается, что порез бесконечен, но конечен для наблюдателя, так что вы... вы как бы одновременно умрёте... в каждый момент времени, который вы находились в...

– Бред, это не может быть правдой, – Корпус замотал головой. – Вот вы, я вас вижу! Лечу на полной тяге, чёрт побери! Если бы я был мёртв, то...

Что у тебя за спиной?

– Корпус?

Корпус медленно повернулся вокруг своей оси. Руки фантома были прямо напротив его лица.

Он посмотрел вниз.

На свою грудь.

И на остывшие сопла тяги на ней.

Затем, будто в трансе, ничему не удивляясь, он медленно сложился пополам, устремив взгляд на станцию.

– Я вас вижу, – сказал он бесцветным голосом. – На экране, я приблизил вас за стеклом. Вы чернокожая. Это странно.

– О Господи, – Наташа всхлипнула.

– Когда он меня догонит, я не только умру, так? Я всегда буду мёртвым. Вечно. Здесь. В порезе, или как там его... Ни времени, ни выхода...

Наташа плакала в окошке связи. Наташа плакала в увеличенном окошке изображения. Наташа плакала в окне станции.

– Впустите меня, – Корпус развернулся и выпрямился, оставив мертвеца за спиной, не в силах быть с ним лицом к лицу. – Это ведь можно сделать на станции. Пусть оно заберёт меня там.

– Простите...

– Вы не пустите, – Корпус с огромной скоростью приближался к стеклу станции. – Вы боитесь.

– Я...

– Не надо, – Корпус вытянул руки вперёд, пытаясь дотянуться до неё. – Я просто хочу быть живым... Не надо бояться. Я – Корпус Вивем. Включить авторизацию. Отправить сообщение.

– Начинаю консервацию, – откликнулась Теста.

– Знаешь что, – сказал Корпус, зажимая в зубах питательную трубку. – Дай-ка мне попробовать терамису...

Он почувствовал вкус мёда и пряностей во рту, он почувствовал руки на своих плечах, и он почувствовал плечи под своими руками и мёртвый, иссохший язык у себя во рту.

7

– Всё в порядке? – Рубинский положил ладонь на вздрагивающую спину Наташи. – Ты хорошо справилась. Лучше бы никто не справился...

Все выглядели испуганными. Никифоров стоял наготове, с медблоком в руках. Маленькая станция собралась в смотровой, вокруг дежурного диспетчера.

– Что теперь? – спросила Наташа.

– Теперь по местам службы, – Рубинский хлопнул в ладоши. – Через неделю придут вояки из «Стил-Корп» и начнут нас трясти, так что всем подготовиться.

Наташа смотрела на опустевшее окошко сигнала. Затем посмотрела вверх, за обзорное стекло.

– Он где-то там, да?

– Иди поспи, – отрезал Рубинский. – Нечего об этом думать.

Мигнул экран.

Наташа опустила взгляд на позеленевшее окошко.

– Новое изображение получено, – прочитала она.

Рубинский приблизился, люди замерли в дверях.

Наташа нажала на окошко.

На изображении было видно немного. Лишь размытое, некачественное изображение чернокожей девушки, глядящей прямо в камеру, поверх вытянутых в её сторону рук в белоснежном скафандре.

– Позовите Никифорова! – закричал кто-то в дверях. – Тут с Наташей истерика!

Вирус Мария Артемьева

– Значит, мы попались? – уточнил Акимов.

– Да, – подтвердил труп, шлепая синими заиндевелыми губами. Допрос шел уже полчаса, но замороженные многолетним пребыванием в открытом космосе мышцы мертвого тела все еще не оттаяли, не смотря на воздействие нейтронных вихрей и микроволновых токов.

– Ясно, – сказал Акимов. Его сухое лошадиное лицо осталось спокойным.

Этот человек и прежде казался Акселю Грацу неспособным к эмоциям, но полная бесчувственность, проявленная начальником группы санитарного контроля теперь, по-настоящему напугала его.

Ведь Аксель хотел вернуться. Он обещал Линде, своей жене, и был намерен сдержать слово. Он злился на Акимова, хотя это была идея Джеммы – третьего участника группы санитарного таможни станции «Европа-3», но не последнего по уровню полномочий: Джемму прислали к ним из института Внеземной биологии только сегодня и специально для этой миссии.

Не каждый день приходится таможенным санитарам обследовать объекты, вернувшиеся из глубокого космоса на Землю.

Собственно говоря, этот случай был первым.

Исследовательский космический бот класса «Нерка» 39 года постройки обнаружили мусорщики неподалеку от пояса Койпера – без экипажа, с открытыми люками. Классический «черный принц».

Лет тридцать назад такие боты сходили со стапелей на Луне каждые полчаса. Все они были предназначены для исследования экзопланет. Их отправляли на разведку в глубины Галактики, комплектуя экипажами, состоящими из семейных пар. Те годы в истории человечества в учебниках с пафосом называли «Великим исходом». Предполагалось, что с этого момента люди начнут победную экспансию по Вселенной. Никто не думал, что эти корабли будут когда-нибудь возвращаться.

То, что данный экземпляр оказался вдруг на окраине Солнечной системы, было сочтено странной, но счастливой случайностью. Почти сразу же сенсационную находку затребовали на Землю бывшие владельцы – компания «Ной Инкорпорейтед», для помещения старинного корабля в частный музей Истории колонизации космоса.

На карантин выделили всего 24 часа. «Глубокий космос – это вакуум, в вакууме нет жизни» – вот аксиома, на основе которой писались инструкции для таможни.

Но Джемма, как ответственный исследователь, припомнила случай на крохотном планетоиде вблизи Эриды.

Там команда аварийщиков выловила посадочный зонд, побывавший в разреженной атмосфере планетоида, и поместила этот зонд в ангар. А он там оттаял. После чего ангар пришлось утилизировать – кремнийорганическая плесень сожрала внутри все металлические конструкции.

– Что, если и здесь нам встретится нечто подобное?! – спросила Джемма, моргая белесыми глазами. – Мы не можем рисковать, отсылая объект на Землю без проверки. Мы обязаны выяснить, что с ним случилось, и удостовериться, что он не несет угрозы планете!

Медно-рыжие кудельки Джеммы, рассыпанные по плечам, почти полное отсутствие ресниц и бровей делали ее похожей на портрет средневековой итальянской мадонны. Очень некрасивой мадонны с крупным костистым носом.

Именно Джемма настояла, чтобы Аксель подключил генератор и сперва запустил аварийные системы корабля, а затем, после проверки, и основные. А когда выяснилось, что бортовой журнал стерт, уже Акимов, поддавшись на уговоры Джеммы, принял решение провести посмертный допрос единственного обнаруженного на корабле мертвеца. Покойника заметили не сразу: он лежал в рубке капитана белый и звенящий, укрытый за сугробами инея и азотно-метановой шубой льда – корабль оброс ею и внутри, и снаружи. Чтобы растопить снеговые залежи, пришлось пропарить тепловыми пушками внутренности бота – тогда-то тело и открылось глазам санитарно-таможенной службы.

– Меня..овут Викто.. Пайнс, – невнятно проговорил труп, когда нейтронные вихри прибора «Лазарь-17» расшевелили синапсы в его мозгу, а микротоки обработали высохшие и вымороженные лицевые мышцы. – Я био..ог миссии «Неме..ида». Х..те у..нать, что прои..ошло с ко..аблем?..о..товой..урнал. На..мите жжжелтую кнопку на..ульте. Да. Эту. В центре.

Акимов хмыкнул, отыскал на пульте желтую кнопку и нажал ее. Раздался сигнал тревоги и механический женский голос сообщил по интеркому:

– Биологическая опасность. Внимание, биологическая опасность! Корабль заражен и заблокирован! Каждый, кто попытается выйти или войти – будет уничтожен.

Синие губы мертвеца расплылись в довольной ухмылке.

– Значит, мы попались? – сказал Акимов.

– Да, – подтвердил труп.

* * *

«Любовь принято объяснять химией организма», – мрачно думал Аксель Грац, ступая вместе со всеми на эскалатор. Замороженным взглядом он наблюдал, как по мере приближения платформы линия горизонта сползала все ниже, и жемчужно-розовые облачка, сбившиеся в кучу вдали, уходили в небытие, погружаясь в молочно-белое сияние океана. Аксель смотрел и морщился.

...Молочно-белые волосатые ляжки Эрика Плитце, пышные и дрожащие, как пудинг, половинки задницы – в жуткой, неестественной близости с молочно-белыми длинными ногами Линды... Аксель отчетливо видел начинающий желтеть синяк на голени жены – в среду она стукнулась о лестничные перила, когда спаниель соседской девочки внезапно подпрыгнул, чтобы облизать ей лицо. Линда чуть не упала, и хохотала, когда Аксель подхватил ее, и махала на собаку рукой. При чем же тут Эрик Плитце?

«Влюбленность сродни безумию... – думал Аксель. – Феромоны. Выброс эндорфинов. Наркотическое опьянение... Скорее всего, Линда не могла поступить иначе. Но что теперь делать мне?»

– Заняв место в кабине лифта, пожалуйста, пристегните ремни и не забудьте включить магнитные держатели, – объяснил звонкий голос робота.

Аксель защелкнул пряжку своего страховочного ремня и помог защелкнуть ремень какой-то японке из числа туристов. Туристы на утреннем лифте к станции всегда раздражали Акселя, но не помочь он, разумеется, не мог. Он действовал автоматически.

– Оригато, – криво улыбнувшись, поблагодарила японка. Глянула на Акселя поверх темных очков, и тут же отвернулась, прилипнув взглядом к иллюминатору. Моторы загудели, двойная тяжесть вдавила в пол. Аксель закрыл глаза, и спустя шесть минут веки ему обожгло нестерпимым солнечным сиянием.

«Вот и хорошо», – подумал Аксель. Ослепнуть – это было бы восхитительно. У Линды появилась бы отличная возможность оправдаться: мало ли что померещилось Акселю, человеку с плохим зрением? Слепому.

Наверное, слепого можно долго обманывать. Хотя... Кто их знает, этих слепых?.. Они не полагаются на зрение, но, говорят, у них гипертрофированно развиты другие чувства – слух, например. Или обоняние. Как у собак. Хорошее обоняние значительно хуже острого глаза, но доказать что-либо в этом случае куда труднее. «Я подаю на развод, – скажет Аксель, – потому что унюхал запах ее любовника! Вонь от его поганых трусов и носков. И он провонял всю нашу квартиру своим омерзительным одеколоном! – Хорошо, – скажет судья. – Давайте проведем следственный эксперимент...»

На уровне стратосферы туристы завопили как резаные. Японка потеряла темные очки, а какой-то толстяк в клетчатой куртке, забывший включить магнитные держатели на подошвах, перевернулся вверх ногами и, судя по мучительному движению его кадыка, едва не схарчил всем на головы свой завтрак. Не медля ни секунды, Аксель отстегнулся тоже, подпрыгнул, ухватил неудачника за ногу и стянул вниз. Лифтовый стюард бросился к ним и пристегнул обоих обратно в стенд.

– Что же вы?! – укоризненно поджав губы, бросил стюард толстяку. – Вы же читали памятку по безопасности!

Клетчатый толстяк сжался и покраснел.

– Простите, пожалуйста. Я нечаянно.

На красных жирных висках выступил пот. – Я не хотел...

Аксель болезненно поморщился.

«Я все объясню, – сказала Линда, глядя испуганными глазами. – Это не то, что ты думаешь!»

«Это не то, что я ВИЖУ?» – насмешливо сказал Аксель... Вернее, он хотел так сказать. Но губы задрожали, и он и слова выговорить не сумел. Стоял и трясся как в лихорадке. Дурак дураком.

«Вернись сегодня. Пожалуйста! – сказала Линда. – Я все тебе объясню! Обещай, что вернешься. Прощу тебя!»

«Хорошо», – согласился Аксель. После того, как прошла вечность, а Эрик Плитце, схватив одежду, прошлепал мимо него в ванную – одеться. Линда улыбнулась...

Он вспоминал теперь эту ее улыбку и пытался понять, что чувствует. И не чувствовал ничего.

– Надземная станция «Европа-3», – объявил голос робота. – Невесомость. Чтобы покинуть кабину лифта, воспользуйтесь вспомогательными тросами! Будьте внимательны: невесомость! Надземная станция «Европа-3»!

Кабину лифта тряхнуло. Туристы взвизгнули. Аксель перестегнул карабин страховочного ремня к вспомогательному тросу и двинулся вслед за другими к распахнутым дверям.

Акселю предстояло двенадцатичасовое дежурство в таможенном секторе станции. Что касается туристов, то их не пускали дальше шлюзового отсека. Пара минут, чтобы взглянуть сверху на земной шар, висящий в пустоте космоса – и затем вниз. На обратном пути туристам позволялось слегка порезвиться: отстегнуть удерживающую раму и полетать на страховочном тросе в невесомости за пределами платформы. Любой, кто захочет, может это сделать. А хотели многие. За свои деньги люди желали испытать полный набор удовольствий в этом аттракционе.

Может быть, и Линда хотела того же? Испытать полный набор... Жизнь коротка. Даже теперь, даже в наше время. Детей у них нет. Ее работа занимает всего два часа в день. А он вечно торчит на своих дежурствах...

Аксель не успел додумать очередную, оправдывающую Линду, мысль: Акимов ждал его на выходе и окликнул, как только увидел.

– Нас вызывают на десятый пирс. И прислали какую-то дамочку из института биологии – Джемма или как ее там... Она уже в шлюпке. Давай, двигай булками пошустрее!

* * *

– Будем последовательны, – сказал Акимов. – Судя по всему, именно эта скотина стерла бортовой журнал.

Воскресший с помощью «Лазаря-17» покойник – Виктор Пайнс – ухмыльнулся. Ткани его тела согрелись настолько, что он даже слегка порозовел, хотя тепло не во всем шло ему на пользу: верхний слой эпидермиса начал потихоньку разрушаться, кожа заблестела, осклизла, голова кое-где покрылась мокнущими желтушными пятнами. Акселя затошнило при виде гноя, вспенившегося на губах Виктора Пайнса. Он судорожно сглотнул и отвернулся, стараясь не смотреть в его сторону.

Для Акимова мертвый биолог значил не больше, чем подопытная лягушка, распятая на столе препаратора – с распахнутым влажным нутром и лапками, дергающимися под воздействием тока – он его не впечатлял.

– Люди, вынужденные проводить столько времени наедине с собой, как эти... Косм-проходцы... Они просто не могут ограничиться только официальными записями! Они ведут личные дневники. Пишут письма. Записки для памяти. Рисуют, в конце концов!

– А ты не дурак, – сказал Виктор Пайнс. Один его мутный глаз шевельнулся в сторону Акимова, другой, как и прежде, смотрел, не мигая, в потолок.

– Да, приятель Виктор. Не дурак! И я тебя вскрою, можешь не сомневаться. Все твои дурацкие тайны...

– Я бы пожал плечами, но вы подключили к своему приборчику только мою голову, – сказал труп. – Имейте в виду – я ничего не скрываю. Я совершенно прозрачен, открыт...

Он ухмыльнулся, дернул щекой, и кусок ее отвалился, предъявив санитарной службе несколько черных и кривых кариозных зубов. Мертвец потрогал дыру в щеке языком, и от этого движения с лица его сполз еще один лоскут кожи. Он шлепнулся на пол.

При виде этого Джемму едва не вырвало. Она отвернулась.

Акимов же только подкрутил верньеры «Лазаря», убавив интенсивность микротоков.

– Новой заморозки ты, приятель, не выдержишь. Но и поджаривать тебя резону нет. Посиди-ка на медленном огоньке. Ты убудок, но ты еще можешь быть нам полезен, – настраивая прибор, сказал начальник группы. – Давайте думать, ребята. У нас два вопроса. Первый: мы все-таки должны выяснить, что у них здесь произошло. И второй: корабль заблокирован, но нам придется как-то из него выбраться. Второе вытекает из первого. Пока не выясним, что за хрень тут случилась... Полагаю, на это не уйдет слишком много времени. Аксель, ты был в каюте этого подонка. Что там?

– Фильмы. О животных, растениях. По медицине, микробиологии. И все такое. Документалки. Лекции, научные передачи...

– Больше ничего?

– Ничего.

– Ну да. Ведь наш приятель – биолог...

– Спроси меня, приятель! – прохрипел мертвец. – Я все расскажу, честь по чести. Вы ж для этого меня воскресили!

– А ты воспользовался этим, чтобы обмануть нас. Захлопнул капкан вместо того, чтобы честно рассказать. Предупредить... Скажи, на кой черт? Что мы сделали тебе плохого, скотина?! – ледяным голосом спросил Акимов. Он отошел в сторону и сел на стул, подсунув под себя жилистые ладони.

– А что сделали плохого одиннадцать миллиардов человек, обитающих на планете Земля?.. Хотя нет. Дай-ка спрошу по-другому. Что плохого сделали шесть супружеских пар, которые в 40 году отправили в полет к Немезиде?.. Что плохого сделал Курт Михальчик,

когда в его штурмовой шлюпке накрылся двигатель, и он, в попытке спасти свою жизнь, совершил вынужденную посадку на каменистом плато «Новой Калифорнии», малой экзопланетки в той звездной системе, которую мы прилетели исследовать?

(«Что плохого сделал я, женившись на Линде? – подумал Аксель, глядя как стекают гной и сукровица по растрескавшимся черным губам Виктора Пайнса. – Зато теперь я действительно готов сделать много плохого. Не стоит мне возвращаться...»)

– Он подцепил что-то там, на этой Новой Калифорнии? – спросила Джемма. Она повернулась и, морщась, взглянула на мертвого биолога.

– Нет, там ничего не было. Новая Калифорния пуста. Чиста, как стерильная чашка Петри в лаборатории.

– Тогда в чем же...

Виктор Пайнс задрал в потолок и второй глаз.

– Курт был отличным пилотом и выдающимся инженером. Он сумел не только посадить неисправную шлюпку – он еще и починил ее. Взлетел и вернулся к нам на корабль. К беременной жене. Люси оплакивала его двое суток, и мы никак не могли успокоить ее. Пока, наконец, не восстановилась связь, и она не услышала по интеркому его голос: «Люси. Я обещал вернуться. И я возвращаюсь»...

– Господи! – Акимов скривился, словно только что раскусил лимон. – Ближе к делу, приятель! Хватит с нас этих розовых соплей.

– Хорошо, – покладисто согласился покойник. – Итак, Курт вернулся. А сразу после его возвращения мы получили сигнал с Новой Калифорнии. И это был, несомненно, сигнал разумных существ...

– Ты же только что сказал, что планетка была пуста?

Покойник вздохнул и перевел один глаз на Акимова.

– В том-то и дело! – сказал он. – Это свело с ума и перессорило всю нашу команду. Ведь мы уже приняли решение, что надо вернуться. Мы хотели растить своих детей на обратном пути. Людям не нашлось места в системе Немезиды. Поэтому мы хотели вернуться. Господи, как мы хотели вернуться!

Из глаз Виктора Пайнса потекли слезы. Он шумно запыхтел, зашмыгал носом. Речь биолога сделалась бессвязной и невразумительной. Голова его затряслась...

– Пож..жа... луста... По... гите... Ды... шать... Не могу... ды... Пожа...

– Нужно успокоительное! – крикнул Акимов. – Джемма, сделайте ему укол. У вас есть что-нибудь в вашем медицинском чемоданчике?!

Джемма растерянно покачала головой.

– Мед..отсек... – прохрипел биолог. – Пожа..лста..

– Что вы мечетесь, как курица?! Бегите в медотсек – там наверняка есть нужные препараты! – взревел Акимов. Потерять Виктора Пайнса именно теперь, когда тот, наконец, заговорил о чем-то важном – это было бы крайне глупо и не входило в планы начальника. – Скорее!

Джемма кивнула и бросилась по коридору в медицинскую лабораторию. Они слышали, как грохочут и звенят, подпрыгивая, листы металлического настила под ее тяжелыми защитными ботинками. Потом топот затих. И воцарилась тишина. Пару минут они ждали с напряженными лицами, что Джемма прибежит обратно со шприцом успокоительного наперевес. С таким же грохотом и топотом вернется к ним...

Но тишина встала. Словно гигантская пробка закупорила весь мир звуков.

Даже Виктор Пайнс больше не сипел и не хрипел. В мертвой тишине Акимов и Аксель услышали, как сочно шмякнулся с головы биолога еще один лоскут подгнившей перемороженной кожи, когда новая довольная ухмылка расплзлась по лицу покойника.

Акимов посмотрел... и рванул к выходу. Аксель Грац – за ним. Неприятная догадка явилась обоим сразу – бессмысленная, нелогичная...

Но, как оказалось, правильная. Финишировав с разрывом в пару секунд у медицинского отсека, они убедились: Джемма мертва.

Нижняя часть ее тела – ноги в тяжелых ботинках и туловище в защитном костюме – валялись в луже крови перед входом в лабораторию, отсеченные массивной стеклобронированной дверью, а над верхней частью – головой, плечами, руками – усердно трудились два медицинских робота: бережно срезали одежду с мертвой Джеммы, выбривали волосы на ее голове, очищали кожу какими-то растворами, очевидно, подготавливая операцию...

Появление двух мужчин за стеклянными дверями отвлекло роботов лишь на пару секунд: деловито помигав в их сторону красными и зелеными лампочками, они отвернулись и вновь занялись Джеммой.

– Ну, что там? Дверь в медотсек сломана, да? А тамошние роботы сумасшедшие, – пожевав черными губами, сообщил Виктор Пайнс, когда Акимов и Аксель, потрясенные увиденным, вернулись в рубку.

Неизвестно почему, но перед глазами Акселя теперь постоянно маячило видение мертвой... Не Джеммы, нет! Линды. Изображение было нечетким, казалось сотканным из тумана; оно было, скорее, досадной помехой зрению, полупрозрачной дополненной реальностью... Но все же оно было – горькой приправой к действительному существованию Акселя Граца, оно присутствовало и ощущалось теперь во всем, что он делал, видел, слышал, осязал. Мертвая Линда – с откинутой назад головой, неестественно далеко выгнутой шеей и судорожно поблескивающей под его, Акселя, рукой голубоватой трахеей... «Я обещал вернуться. Но я не хочу. Не стоит,» – замороженно разглядывая разорванную шею Линды в своем видении, думал Аксель...

– Господи ты боже. Нам нужно отсюда выбраться! Чертовски неприятное ощущение, что на нас поставили капкан. Все это какой-то бред! – Вид у железного и бесчувственного Акимова был уже вовсе не такой железный и бесчувственный, как прежде.

– Ты, кусок замороженного дерьма! – закричал он на мертвеца. И вдруг умолк, что-то сообразив. – Постой-ка, приятель!.. А ведь это, должно быть, ты убил всю свою команду! Ты, ублюдок! – Акимов навис над креслом, где лежало тело Виктор Пайнса, и угрожающе упер руки в бока. – И теперь просто заметаешь следы!

– Пфф... – фыркнул мертвец. И скорчил грустную физиономию. – Зачем мне это? Я ведь умер уже. Не все ли равно?

Акимов застыл с озадаченным лицом. Но через секунду заорал снова.

– Ты убил Джемму!

– Приятель...

– Не смей говорить мне «приятель»! Вон-н-нючий кусок дохх-ххлятины! – От злости Акимов начал слегка заикаться. – Чтоб ты сд-д-дох!

– Ну... Мне ведь и так недолго осталось, – смиренно заметил покойный. – Нет. Я никого не убивал. Не понимаю – к чему наговаривать напраслину на беззащитный труп? Ну, забыл я про ту чертову дверь! У живых людей, случается, плохая память. А вы чего-то хотите от покойника?

– Стоп. Действительно. Ты не можешь быть настолько умным. Загнать нас, как безмозглых кроликов... И чтобы все это спланировали прожаренные микротоками мозги?! Промороженные за столько лет синапсы... Нет, нет, нет. Тут есть какой-то секрет! Я угадал, приятель?!

– Я с самого начала вам говорил... Я же ничего не скрываю. И не собираюсь даже! Вам надо было всего лишь меня выслушать! Внутри меня опасный вирус. Именно он во всем

виноват. Именно поэтому я был вынужден выбросить остальные тела и подготовить систему на случай, если...

– Ага. Значит, вирус во всем виноват? Должно быть, ты скажешь, что это вирус агрессии. Да?! Потому что ты не убийца. Ты белый и пушистый. Святоша! Может быть, ты даже назовешь себя Спасителем?! Убивая всех подряд... Вирус!!! Откуда же он взялся?! Ну, говори, приятель!!! Давай, ври, не стесняйся! – Акимов орал и размахивал руками, уже несколько не пытаясь сдерживаться. Но мертвый Виктор Пайнс был само спокойствие.

– Просто выслушай. Там, возле Новой Калифорнии, я сделал открытие...

– Ха!

– Да, открытие... Когда мы все перессорились из-за сигнала неизвестных нам разумных существ, исходящего с планеты, на которой никого и ничего не было... А мы ведь неоднократно имели возможность в том убедиться! Когда все переругались, обсуждая – имеем ли мы моральное право покинуть неприютную звездную систему, заботясь в первую очередь о себе и собственных детях, то есть о своем будущем... Вместо того, чтобы разгадывать, быть может, единственную и самую главную тайну Вселенной – тайну иной жизни, иного разума... Который, вполне вероятно, ждет от нас помощи... Так вот. Эти споры привели нас к исключительно острым конфликтам. В закрытом коллективе, в момент психического напряжения... Короче говоря, дело дошло до откровенной вражды и... насилия. Каюсь: я тогда смалодушничал. Часть команды подняла бунт: они арестовали капитана, старшего штурмана убили в потасовке... Я решил, что ничем не смогу помочь этой группе взбесившихся людей. Я заперся в своей каюте и начал рассматривать проблему с самого начала. Как говорили древние римляне: от яйца.

Есть в мире науки области информации, вроде бы вполне открытые, у всех на виду, но в то же время – о них как будто не помнят. Это вроде темной материи во Вселенной: постоянно действующий фактор, участвующий во всем, где-то подспудно учитываемый всеми. Но... никем и никогда не обсуждаемый! Фигура умолчания. В случае с вирусами это факты, которые кажутся слишком фантастичными только потому, что уж больно унизительны они для антропоцентричного мира, выстроенного на Земле гордым Человеком Разумным...

– Ближе к делу, – угрюмо велел Акимов разболтавшемуся мертвецу. Начальник группы сидел, согнувшись в три погибели, обхватив руками голову, уперев локти в колени, и не подымал глаз.

– Да, да. Так вот. Факты. Они были установлены еще в прошлом веке... Самой могучей и влиятельной силой на Земле является не человеческая раса, а вирусы. Во-первых, это самая многочисленная форма жизни на планете. Одно время люди тешили себя мыслью, что вирусы – неорганическая материя, но это оказалось не так. Вирусы, конечно, безусловные паразиты... Но они воспроизводят себя, они мутируют, фактически – обучаются... Они начинают и заканчивают эпидемии, регулируя популяции других биологических видов. Именно они управляют фотосинтезом на Земле. Вы знали об этом?.. А вы знаете, что ни один человек – будь он хоть трижды венцом творения – не может появиться на свет, если только его, еще на стадии оплодотворенного яйца, не защищает особый вирус? Специальный вирус-защитник, он не позволяет другим вирусам и бактериофагам атаковать крохотный эмбрион. И после всего этого люди почему-то продолжают считать себя главным биологическим видом на Земле!

Но суть даже не в этом. Вдумайтесь вот в какой факт. Биологам известны вирусы, управляющие поведением живых организмов. Есть вирусы, которые развиваются и размножаются в желудке коров, хотя их жизненный цикл начинается вне этого благословленного и комфортного для них места. Что делают эти вирусы? Находясь в виде спор в траве, они прикрепляются к нервной системе муравьев, заставляя несчастных взбираться на самый верх высоких травинок... где их поедают вместе с травой коровы. Таким образом эти вирусы

попадают в свой земной рай, где и проводят жизнь, пока не настанет время расселять потомство. Тогда они покидают корову... Известен еще вирус, размножающийся в тканях головного мозга кошек. Прежде, чем найти свою кошку, вирус поселяется в теле мелкого грызуна... А в нужный момент – заставляет мышь или крысу выйти на открытое пространство... Где их находит и поедает кошка. Поскольку вирусы обитают везде, и нету таких существ, внутри которых не жили бы вирусы, ученые стали называть это все симбиозом биологических видов... Но, сдается мне, у нас просто не хватает духу признать очевидное...

– Черт, приятель... До чего же мерзотно все, что ты рассказываешь! – не выдержал Акимов. Он выглядел очень усталым. Глаза начальника санитарной службы поблекли и запали. – К чему ты клонишь, в конце концов?!

Труп пожевал почернелыми губами. И ответил:

– Не было никакого сигнала с Новой Калифорнии. Планета Земля – огромный организм-симбионт – переполнилась неким весьма вредным биологическим видом... И тогда его вирус-паразит... А вернее всего – вирус-управляющий, вирус-руководитель... Вирус-бог, вирус-отец и вирус-дух святой... Велел человекам: летите отсюда! Ищите себе новый дом. Плодитесь и размножайтесь в другом месте. Отыскивайте новый путь. Человечеству нужна эволюция. Нужны какие-то качественные изменения, новые стадии жизненного цикла. И мы полетели... Что мы при этом думали? Что мы открываем новый мир для людей. Романтика, черт возьми. Человек покоряет космос! Человек освобожденный, разорвавший путы земного притяжения, человек звездной эпохи...

Только вдумайтесь в эту чушь! – Мертвец болезненно поморщился. – Теперь-то вы наверняка знаете правду: нет более клаустрофобичного места, чем космос. Космос – это теснота, непроницаемый злобный мрак, который душит, ежесекундно грозит гибелью. Что может быть хуже этого? Разве только гроб, зарытый в землю.

Но человечество кинулось туда, очертя голову и с восторгом. Почему, как вы думаете?..

Потому что не мы это сделали. Нас отправили туда! Послали искать свою корову. Или кошку. Как вам больше нравится?.. Хотя это не важно.

Важно то, что мы... их нашли. Мы сделали то, за чем нас послали. И мы вернулись, чтобы завершить миссию... Теперь человечество начнет новый цикл развития...

– Господи, какая чушь. Да это я воскресил тебя, кусок дерьма, тухлятина... Черт, как я устал! – Акимов выглядел уже не просто уставшим – он выглядел больным. Лошадиное лицо вытянулось и потемнело, на нем проступили подкожные жилы и кости.

– Нет, приятель, ты ошибаешься. У человека нет свободы воли. Ты думаешь, что любишь женщину. Мечтаешь завести семью, детей. Тебе говорят, что это нормально, что это инстинкт размножения... Но что такое инстинкт? Никто не знает. Никто не может ответить четко и однозначно. А я тебе скажу: что бы это ни было – это НЕ ТВОЙ ВЫБОР. Не твое решение, пойми, приятель!

– Мы сами определяем, что нам нужно, – Акимов свесил голову на грудь. Он не говорил, а бормотал – его клонило в сон, но он еще пытался противостоять. – Аксель. Давай знаешь что... Взорвем к чертям этот бот. Ты ведь принес из шлюпки газовый генератор?.. Взорви его. Просто сними предохранительный клапан... Чиркни... И – бабах! Главное – направь шланг прямо на крепления шлюза... Второй попытки не будет. Слышишь? А эту заразу я сейчас...

Акимов тяжело и медленно, словно выгребая против течения реки, потянулся к верньерам «Лазаря», желая, очевидно, вывернуть их в положение «зеро»... Но рука его упала на полпути, повисла плетью. Пальцы задержались... Все длинное тело Акимова затряслось, словно к нему подвели электрический ток.

Аксель и мертвый Виктор Пайнс полминуты наблюдали за агонией начальника санитарной службы. Аксель – с ужасом и жалостью, Виктор – со странной гримасой, выражающей то ли сочувствие, то ли боль.

Когда все кончилось, Виктор Пайнс – или то, что скрывалось под его личиной – торжественно объявил:

– Старые вирусы живут до последнего своего носителя. В этом и проявляется их зависимость, предопределенность. Но мы... Мы – следующее поколение, новая раса. Мы полностью автономны. Умеем действовать избирательно. Мы и вправду сами решаем, кого подчинять... Кого любить. Что скажешь, приятель?

Приятель. Это слово в устах трупа прозвучало весьма раздражающе. Руки Акселя сами собой сжались в кулаки. Горячая волна ударила из головы в сердце, прошла тело, толкнулась в уши тысячей молотков, пеной зашкворчала во рту, завесила глаза алым...

– Думаешь, меня убедил твой спектакль?! – воскликнул Аксель. – Ерунда! Нет, и не было никакого вируса. Ты просто сумасшедший убийца. Потерявший семью и близких в дурацких разборках по дурацкому поводу. Убийца!

– Все вирусы – убийцы по своей природе. Как и люди... Люди убийцы потому, что мы – убийцы! Они наши слуги, наши носители, плоть от плоти нашей. Я только что на твоих глазах убил твоих друзей... Акимова убил я! Его убил вирус!

– Врешь! Не было никакого вируса! Акимова убил трупный яд. Продукты распада твоего мерзкого гнилого тела. Он слишком близко находился к тебе и, должно быть, надышался отравы. Ведь ты брызжешь гнильем во все стороны! Тебя надо было отключить и швырнуть в морозилку сразу же, как только...

– Нет!!! Не смей! Ты сейчас сдохнешь... Я сделаю... Я сейчас...

– Плевать. Плевать мне на тебя, – сказал Аксель. Он перестал орать и посмотрел на мертвеца с жалостью. – Плевать на вирусы, на твои идеи, на все, что ты тут рассказал и сделал. Плевать на этот корабль, на тех кретин, которым загорелось доставить на землю эту развалюху. Да. И на эту станцию мне тоже наплевать.

Прощай.

– Что ты задумал?! Нельзя! Погибнут люди. И ты тоже. Слышишь?! Ты ведь не сможешь отсидеться за углом... Придется быть рядом, чтобы взрыв получился! А

это огромный риск!

– Пле-вать. Мне плевать!

Аксель пнул ногой «Лазаря-17», не обращая внимания на вопли Виктора Пайнса, и ушел к шлюзу.

Он был предельно сосредоточен и внимателен, подготавливая взрыв так, как и советовал ему Акимов. «Второго шанса не будет, приятель,» – подбадривал он сам себя.

Ему удалось сделать все правильно.

Вспышка сработала мгновенно: Аксель даже не уловил глазом тот момент, когда языки горящего метана развернулись в сторону шлюзового люка, с ревом сглотнули весь кислород и пропали, слизнув горючий материал с внутренней обшивки и вышибив массивный металлический люк, как пробку из бутылки.

Все! Джинн вырвался на свободу. Конструкции корабля лопнули, не выдержав давления. Один громкий хлопок, от которого у Акселя заложило уши, и огонь стянулся в точку, словно скрылся в другом измерении.

Акселя вынесло через дыру в обшивке – прямо в открытый космос. И потащило по внутренней орбите надземной станции «Европа-3», по снижающейся спирали. В костюме спецзащиты с запасными кислородными блоками и газовым пистолетом у Акселя было достаточно шансов, чтобы добраться до платформы лифта – туда, где развлекались, кувыркаясь в невесомости, туристы.

«Не знаю, что правит любовью – химия организма или что-то другое. Мне плевать», – думал Аксель, разглядывая беспорядочно скачущие над головой звезды.

Разрывая стапели десятого пирса и стены станции, мимо Акселя и вместе с ним летели металлические детали корабля и приборов; высохший, как мумия, Акимов; разделанная роботами на куски Джемма; искореженные взрывом роботы – искристыми осколками, взвизгиваясь и слипаясь в сверкающий ком, они неслись вперед. И вместе с ними – окоченевший труп Виктора Пайнса с последней ухмылкой на лице.

«Я обещал Линде вернуться. И я возвращаюсь».

Ость Александр Дедов

Ветер изменил направление. Дым заводских труб тягучим потоком уходил на северо-запад. Прежде этого не случалось: тёплый воздушный поток всегда огибал планету по кругу – с востока на запад. Он зарождался на раскалённой дневной стороне планеты, остывал на зимнем полюсе, возвращаясь в пекло горячим дождём.

Артур Коскинен никогда не покидал Негев. Его родная планета обращалась вокруг тусклой и холодной звезды. Агасфер – красный карлик, уступал в размерах Солнцу добрых три четверти.

Негев повезло оказаться в зоне обитаемости: достаточно близко для сохранения жидкой воды, но достаточно далеко, чтобы не превратить всю поверхность в преисподнюю. Приливная сила звезды не давала Негев вращаться вокруг своей оси. Дневная сторона раскалена, даже вечные дожди не способны побороть жару, температура выше девяноста градусов по Цельсию. Безжизненная бурлящая пустошь, усыпанная гейзерами и вулканами. Зимний полюс навсегда закован в лёд, почти сто градусов ниже нуля и всегда ночь.

Лишь сумеречная зона, опоясывающая планету кольцом, пригодна для жизни. Вечное утро посреди бесконечной весны.

Колонизаторы прибыли сюда полтора столетия назад. Люди полюбили новый неприветливый мир: мать Земля охвачена бесконечными войнами, но здесь, вдалеке от Солнечной системы, всё обещало покой.

Батарея зарядилась лишь на сорок процентов. Артур проклинал себя за неосмотрительность: припарковал электромобиль в тени жилого дома. Весь корпус машины представлял собой одну сплошную солнечную панель – практичное решение для мира, где солнце никогда не заходит за горизонт.

– Твою мать, – Артур выругался в голос. – Нет, подруга, сегодня на работу ты меня не довезёшь!

Пришлось проехать до ближайшей станции метро и оставить машину на парковке.

Немногочисленный люд вразвалочку спускался под землю. Полупустой эскалатор мерно гудел и тихонько потрескивал, белый хирургический свет энергосберегающих ламп бил в глаза, Артур зажмурился. Прямо посреди станции, совершенно никого не стесняясь, разложил свой товар один из вездесущих кхеттов: при искусственном освещении его пластичное тело отливало тёмно-зелёным. Похожий на пучок толстых лиан, негевинский абориген смотрел во все стороны своими многочисленными глазами, сотни красноватых огоньков то и дело выплывали из-под шевелящихся сочленений. Кхетты имели свои представления о красоте: некоторые из щупалец-лиан продавца украшали ленты из мусорных мешков, разноцветные банты из пивных этикеток, бусы из проволочных шариков, медалионы из алюминиевых банок. Этот ксеномент походил на ожившую помойку. Его глаза, бегающие под хаосом щупалец, остановились и все разом уставились на Артура.

Щёлк. Пум. Шух. – кхетты не владели речью. Между собой они общались ароматными облачками спор. За полтора столетия сожительства с людьми эти полуразумные существа изобрели уникальный язык, построенный по принципу азбуки Морзе. Чтобы поговорить с человеком, кхетт бил, стучал и тёр друг о друга многочисленными щупальцами. Ксеноменты использовали весь арсенал звуков, что могли издать их длинные и гибкие тела.

– Человек. Я. Тебя. Помнить. Ты. Покупать. Табак. Нужен. Ещё? – щёлкал и стучал кхетт.

– Нет, я стараюсь бросить курить. Что ещё предложишь?

- Гриб. Человек. Ест. Человек. Хорошо. Спит. Нужен?
- А, «сонный бульон». Давно его продаже не видел.
- Кхетт. Собрали. Себе. Все. Это. Новый. Урожай. Будешь. Покупать?
- Сколько?
- Соль. Два. Спичечный. Коробок. Один. Мешок. Покупаешь?
- Покупаю! Давно не спал как следует. Держи.

Кхетт что-то щёлкнул напоследок и достал из плетёного ротангового короба мешочек вощёной бумаги. Внутри лежала пригоршня сушёных грибов, нарезанных аккуратными кубиками.

- Один. Кусочек. Ты. Спокойный. Два. Кусочек. Ты. Спать.
- Спасибо, запомню. Удачной торговли!

Монорельсовый поезд бесшумно пронёсся по тоннелю и плавно затормозил у перрона. Сонные люди лениво занимали места в полупустых вагонах. Кто-то читал газету, кто-то допивал свою утреннюю порцию кофе, многие предпочитали вздремнуть.

Артур думал об удивительной роли огня в театре эволюции. Раса кхеттов была старше человеческой на несколько миллионов лет, но ксеноменты так и не смогли дорасти до строительства городов и межпланетных путешествий. Виной тому был врождённый страх перед огнём: даже пламя зажигалки могло вызвать панику у особей, живущих вдалеке от городов. Зато кхетты знали буквально всё о природе планеты Негев! Они возвели знание в Абсолют и использовали его в бартерной торговле. Кофе, табак, лекарства, фрукты, овощи, даже наркотики: стоило кхеттам взять на пробу что-нибудь из человеческого обихода, как тут же находился аналог, созданный природой их родного мира. Взамен они просили немного, чаще всего соль и сахар-рафинад. Химерические организмы кхеттов сочетали в себе признаки растений и животных. Они могли фотосинтезировать, но для роста и развития им требовалась высокоуглеводная пища и минералы. Выпаренная морская соль считалась среди кхеттов изысканным деликатесом.

* * *

Шилов изучал технические отчёты. Научно-исследовательский комплекс спутника Давид, одной из двух лун Негев, последние шесть земных лет занималась разработкой новых видов оружия. Многие из прототипов ушли на гражданский рынок.

- Привет, Андрей, – Артур вошёл в кабинет. – Что у нас нового?

– Привет. Вот, разгребаю бумажки. Бета-версия дронов-аннигиляторов прошла серию успешных испытаний. Представляешь? Отказались от старой концепции ракет с дистанционным управлением. Теперь «толстяка» запихнули в дрон, он может работать автономно. Засёк угрозу, подлетел ближе, взрыв – толстяк на свободе. Бум! И нет астероида, кометы, горы космического мусора – всё сожрёт.

- Они уверены? Для устранения угрозы горизонт событий достаточно стабилен?

– Одного толстяка хватает для ликвидации объекта массой в сто миллиардов тонн. Каков максимальный аппетит этой штуковины – ещё неизвестно. Дрон сканирует размеры и траекторию опасного объекта, если он больше, чем толстяк теоретически сможет проглотить, машина подзывает на помощь свободных дронов, находящихся в зоне досягаемости. Давидовцы снарядили роботов компактными варп-двигателями, любую космическую дрянь можно быстро и безопасно «помножить на ноль».

- Тебе не кажется, что давать свободу машине несколько рискованно?

– Арти, старина, брось рефлексировать! Я уверен, эти штуки спасут миллиарды жизней! Экспериментальные образцы показали высокий КПД, сейчас они дежурят по периметру ледяного пояса, следят за кометами. В конце концов, мы с тобой юристы, а не учё-

ные. Нам нужно искать лазейки в законе, вывести этих красавцев на гражданский рынок. Я уверен, найдутся тысячи покупателей по всей галактике, бизнесмены захотят защитить своё имущество в космосе.

– Боже мой, чем мы занимаемся? Министерство обороны пытается торговать чёрными дырами в консервных банках...

– Друг мой, хороший доход и совесть вещи несовместимые, поверь мне, я русский, я знаю о чём говорю.

* * *

«Толстяк» стал настоящей золотой жилой для оружейных компаний. Вещество представляло собой «отрыжку» страшной силы во вселенной: чёрная дыра, поглощая колоссальное количество материи, в конце концов, исчерпывает свой внутренний объём и за пределы горизонта событий вырываются релятивистские струи-джеты. Джет – это на девяносто процентов разогретая плазма, но оставшиеся десять процентов – почти невидимая, но имеющая массу материя. «Ошмётки сингулярности» или «толстяк».

Свойства этой находки изучены мало, известно лишь, что она реагирует на любое вещество кроме специальной жидкости из нейтрино. Контактная с материей, толстяк поглощает её, постепенно сжимаясь, и превращаясь в миниатюрную копию чёрной дыры. Дыра растёт. Достигая критического предела массы, она взрывается, оставляя после себя лишь газопылевое облако.

Артур и Андрей ломали голову над законностью перевода оружия из категории «военное назначение» в категорию «для гражданского использования». Ближе к концу рабочего дня всё-таки смогли набросать черновик.

– Кажется, на сегодня хватит. Осталось согласовать регламент по количеству дронов в одни руки и ещё кое-что по мелочам.

– Отлично, Арти. Отнеси документы в отдел гражданских разработок, обсуди с подполковником, что к чему, и можем на сегодня быть свободны.

* * *

Отдел гражданских разработок находился на нижнем этаже подземного комплекса. Доступ сюда имели лишь военнослужащие и несколько гражданских лиц, включая Артура и Андрея. Вход только по электронным пропускам! Отдел имел собственную охрану, и пребывание гражданских здесь строго контролировалось.

Кард-ридер пикнул, толстостенная гермодверь отъехала в сторону. Узкий коридор, освещённый светодиодными лентами, уходил вниз под углом. Охранников на привычном месте не оказалось. КПП пустовал. В обычное время людный, отдел гражданских разработок будто бы вымер. В дверях кабинетов на кирпичном полу валялся разномастный хлам, на столах рассыпались стопки бумаг и канцелярские принадлежности. Артур чувствовал, как к горлу подступает комок, в груди росло чувство тревоги.

– Эй, здесь есть кто-нибудь? – в ответ тишина.

Артур осторожно шагал по пустому коридору, вслушиваясь в звуки собственных шагов. Кабинет старшего куратора гражданских разработок, подполковника Агасяна, был открыт. Дверь распахнута настежь, под стулом валяется картонный стакан недопитого кофе. Артур окликнул Агасяна по имени, никто не ответил.

В покинутом кабинете горел свет. Изнутри доносилось мерное гудение: главный мейнфрейм работает. Артур подошёл ближе, датчик движения среагировал и монитор вспыхнул. Компьютер вышел из режима гибернации, гудение сделалось громче.

На мониторе мерцало окно знакомой программы, Артур работал над «ограждением» этого софт: бета-версия дистанционного управления дронами-аннигиляторами. Во весь монитор растянулась интерактивная карта звёздной системы Агасфера, в нижнем правом углу мигала строка состояния: в боевой готовности – сто пятьдесят единиц, уровень угрозы – потенциальный, тип угрозы – не определено.

– Твою мать... Артур небрежно бросил бумаги на угол стола и поспешил убраться прочь.

* * *

Кабинет юристов покидали в спешке: вещи Андрея остались на месте, на столе беспорядок, ящики тумбы открыты. Артур набрал номер начальника, приложил мобильник к уху – тишина. Нет гудков, автоответчик сотового оператора даже не сообщил своё дежурное «абонент находится вне зоны действия сети».

– Этот день нравится мне всё меньше и меньше. – сказал Артур вслух и начал собираться домой.

* * *

Прохожие вели себя странно. В панической спешке люди старались поскорее сесть в свой автомобиль или прыгнуть автобус, спуститься в метро или зайти домой. Другие же стояли как вкопанные и молча разглядывали небо.

Артур не сразу понял суть происходящего. На улице горели светодиодные фонари, они включались при активности вулканов дневной стороны, когда облака пепла, путешествуя на зимний полюс, закрывали собою охристо-жёлтый диск Агасфера.

– Боже всемогущий... – Артур во все глаза таращился на небо. – Быть того не может!

На сумеречный пояс Негев опустилась настоящая ночь. Небо темно-синего оттенка усыпали светящиеся искорки звёзд. Тускло отсвечивая жёлтым, над облаками зависли две луны: Давид и Голиаф.

Не зная что и думать, молодой юрист спустился в метро. Монорельсовый поезд домчал до нужной станции всего за пятнадцать минут. Люди в метро были обеспокоены, не утихали волнительные разговоры; большинство негевянцев никогда не покидало планету, настоящую ночь они видели лишь по телевизору, либо в сети.

На выходе из вестибюля безымянной станции под номером «тринадцать», Артур встретил кхетта-торговца. Ксеномент истерично перебирал свой товар, по его бегающим во все стороны глазам было ясно – он растерян и не находит себе места.

– Эй, приятель? Ты как.

– Человек. Опасность. Планета. Опасность. Кхетт. Чувствовать. Опасность. Мир. Опасность. Мир. Заболеть. Мир. Умирать. Скоро.

– Не будь ханжой. Возможно это опять какие-то капризы погоды. Наша звезда не самая стабильная во вселенной...

– Нет. Всё. Плохой. Кхетт. Жить. Много. Жизни. Человек. Не. Видеть. Такой. Небо. Кхетт. Уходить. Под. Земля. Человек. Спасаться.

– Спасибо за оптимизм, друг! И тебе всего хорошего...

Артур выехал из парковки. Негевянские электромобили оснащались лишь слабыми дневными ходовыми огнями. На планете, где солнце никогда не заходит за горизонт, мощные фары ни к чему. Артур старался держать безопасную скорость и не разгонялся. Неуверенный, слабый свет дневных фар то и дело вылавливал из темноты задние бампера сосед-

них машин. Кое-как удалось добраться до дома. Сегодняшние приключения отняли у Артура остатки сил.

Оказавшись дома и увидев спящую жену, мужчина немного успокоился. Главное с Анной всё в порядке, остальное не имеет значения.

* * *

Негев встретила настоящий рассвет! Огромный солнечный диск поднимался из-за горизонта. Небо привычного нефритового оттенка наливалось тёмной бирюзой. Розовые облака тихо плыли куда-то вдаль.

Утопая в рассветной заре, на небольшой высоте летел авиалайнер. Четырёхкрылый самолёт двигался на околосвуковой скорости, влажный воздух рисовал на хвосте машины белую паровую «юбку». Артур поневоле залюбовался умиротворяющим пейзажем. Непривычно-яркий свет Агасфера на мгновение сделался ещё ярче, небо разверзлось и ухнуло: непроглядной чернотой зиял провал в никуда, во мгновение ока самолёт и окружавшие его облака засосало внутрь, провал хлопнул и закрылся. Будто исполинский резиновый жгут, небо поколыхалось ещё секунду и успокоилось.

В животе растекалось неприятное чувство, будто кишки обдало крутым кипятком. Артур разбудил жену.

– Анна! Проснись, любимая!

Жена неохотно стянула с себя одеяло и лениво потянулась.

– Ты что, совсем не спал? Я не слышала, как ты пришёл, и чтобы ты ложился не помню...

– Да какой тут на хрен сон, иди сюда, смотри!

Анна была в одном лишь исподнем, белая сорочка в лучах рассветного солнца казалась розовой. Зевнув, она подошла к окну, глянула на небо и замерла. Бешеным потоком в её голове пронеслась стая лихорадочных мыслей.

– Как? Агасфер в зените? Не может быть!? Я слышала, что такое на Земле бывает. Как же это называется... Полдень!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.